

НИКОЛАЙ
БЕРДЯЕВ

ОТКРОВЕНИЕ
О ЧЕЛОВЕКЕ
В ТВОРЧЕСТВЕ
ДОСТОЕВСКОГО

RUGRAM

УДК 82-31
ББК 83.3(2Рос=Рус)
Б48

Бердяев, Н.

Б48 Откровение о человеке в творчестве Достоевского / Н. Бердяев. — М.: Т8
Издательские технологии / RUGRAM, 2022. — 102 с. — (RUGRAM-КЛАС-
СИКА).

ISBN 978-5-519-73016-7

В нашем новом проекте вы найдете как книги из «золотого фонда» классической литературы, так и редкие, почти забытые, произведения авторов, оставшихся в тени своих великих современников. Эти книги не утратили самобытной актуальности, сегодня, как и сто лет назад, они определяют пути русской культуры, ищут ответы на «проклятые вопросы».

Без этих книг невозможно понять кто мы, кем мы были, куда движемся. Мы отобрали для вас самые важные тексты классиков, представили их в наиболее полных редакциях, без каких либо сокращений и цензурных изъятий, и составили серию RUGRAM-КЛАССИКА.

Вашему вниманию представляется книга Николая Бердяева «Откровение о человеке в творчестве Достоевского».

УДК 82-31
ББК 83.3(2Рос=Рус)
ВІС FС
BISAC FIC000000

ISBN 978-5-519-73016-7

© RUGRAM, оформление, 2022
© Т8 Издательские технологии, 2022

СОДЕРЖАНИЕ

ОТКРОВЕНИЕ О ЧЕЛОВЕКЕ В ТВОРЧЕСТВЕ ДОСТОЕВСКОГО	5
I	5
II	9
III	16
IV	22
V	26
VI	30
VII	34
VIII	39
СТАВРОГИН	43
ВЕЛИКИЙ ИНКВИЗИТОР	59
I	59
II	79
III	82
IV	92

ОТКРОВЕНИЕ О ЧЕЛОВЕКЕ В ТВОРЧЕСТВЕ ДОСТОЕВСКОГО

«Ты взял все, что есть необычайного, гадательного и неопределенного, взял все, что было не по силам людям, а потому поступил как бы и не любя их вовсе».

«Легенда о Великом Инквизиторе»

I

Много уже написано о Достоевском и много высказано о нем истин, которые успели сделаться почти банальными. Я имею в виду не старую русскую критику, типическим образцом которой может служить статья Н. К. Михайловского «Жестокий талант». Для публицистической критики этого типа Достоевский был совершенно недоступен, у нее не было ключа к раскрытию тайн его творчества. Но о Достоевском писали люди другого духовного склада, более ему родственного, другого поколения, всматривавшегося в духовные дали: Вл. Соловьев, Розанов, Мережковский, Вольтинский, Л. Шестов, Булгаков, Волжский, Вяч. Иванов. Все эти писатели по-своему пытались подойти к Достоевскому и раскрыть в нем глубину. В творчестве его видели величайшие откровения, борьбу Христа и антихриста, божественных и демонских начал, раскрытие мистической природы русского народа, своеобразного русского православия и русского смирения. Мыслители религиозного направления существенное содержание всего творчества Достоевского видели в особенных

откровениях о Христе, о бессмертии и о богоносности русского народа и особенное значение придавали его идеологии.

Достоевский прежде всего психолог, раскрывавший подпольную психологию. Все это было у Достоевского. Он был необычайно богат, от него идет много линий, и каждый может пользоваться им для своих целей. К загадке Достоевского можно подходить с разных сторон. И я хочу подойти к этой загадке с той стороны, с которой недостаточно подходили к ней. Не думаю, чтобы то религиозное истолкование Достоевского, которое сделалось у нас господствующим, улавливало самое главное в нем, ту центральную тему его, с которой связан его пафос. Нельзя на ограниченном пространстве статьи охватить всего Достоевского, но можно наметить одну его тему, которая представляется мне центральной и из которой объясняется он весь.

У Достоевского было одному ему присущее, небывалое отношение к *человеку* и его судьбе — вот где нужно искать его пафос, вот с чем связана единственность его творческого типа. У Достоевского ничего и нет кроме человека, все раскрывается лишь в нем, все подчинено лишь ему. Еще близкий ему Н. Страхов заметил: «Все внимание его было устремлено на людей, и он схватывал только их природу и характер. Его интересовали люди, исключительно люди, с их душевным складом, с образом их жизни, их чувств и мыслей». В поездке за границу «Достоевского не занимала особенно ни природа, ни исторические памятники, ни произведения искусства». Это подтверждается всем творчеством Достоевского. Такой исключительной по-

глощенности темой о человеке ни у кого никогда не было. И ни у кого не было такой гениальности в раскрытии тайн человеческой природы. Достоевский, прежде всего, великий *антрополог*, исследователь человеческой природы, ее глубин и ее тайн. Все его творчество — антропологические опыты и эксперименты. Достоевский — не художник-реалист, а экспериментатор, создатель опытной метафизики человеческой природы. Все художество Достоевского есть лишь метод антропологических изысканий и открытий. Он не только ниже Толстого как художник, но он и не может быть назван в строгом смысле этого слова художником. То, что пишет Достоевский, — и не романы, и не трагедии, и никакая форма художественного творчества. Это, конечно, какое-то великое художество, целиком захватывающее, вовлекающее в свой особый мир, действующее магически. Но к этому художеству нельзя подходить с обычными критериями и требованиями. Нет ничего легче, как открыть в романах Достоевского художественные недостатки. В нем нет художественного катарсиса, они мучительны, они всегда переступают пределы искусства. Фабулы романов Достоевского неправдоподобны, лица нереальны, столкновение всех действующих лиц в одном месте и в одно время всегда невозможная натяжка, слишком многое притяннуто для целей антропологического эксперимента, все герои говорят одним языком, временами очень вульгарным, некоторые места напоминают уголовные романы невысокого качества. И лишь по недоразумению фабулы этих романов-трагедий могли казаться реалистическими. В этих романах нет ничего эпического,

нет изображения быта, нет объективного изображения человеческой и природной жизни. Романы Толстого, самые, быть может, совершенные из всех когда-либо написанных, дают такое ощущение, как будто бы сама космическая жизнь их раскрыла, сама душа мира их написала. У Достоевского нельзя найти таких вырванных из жизни, реальных людей в плоти и крови. Все герои Достоевского — он сам, различная сторона его собственного духа. Сложная фабула его романов есть раскрытие человека в разных аспектах, с разных сторон. Он открывает и изображает вечные стихии человеческого духа. В глубине человеческой природы он раскрывает Бога и дьявола и бесконечные миры, но всегда раскрывает через человека и из какого-то иступленного интереса к человеку. У Достоевского нет природы, нет космической жизни, нет вещей и предметов, все заслонено человеком и бесконечным человеческим миром, все заключено в человеке. В человеке же действуют иступленные, экстатические, вихревые стихии. Достоевский увлекает, затягивает в какую-то огненную атмосферу. И все делается пресным после того, как побываешь в царстве Достоевского, — он убивает вкус к чтению других писателей. Художество Достоевского совсем особого рода. Он производит свои антропологические исследования через искусство, вовлекающее в самую таинственную глубину человеческой природы. В глубину эту всегда вовлекает иступленный, экстатический вихрь. Вихрь этот есть метод антропологических открытий. Все написанное Достоевским и есть вихревая антропология, там открывается все в экстатически-огненной атмосфере. Достоев-

ский открывает новую мистическую науку о человеке. Доступ к этой науке возможен лишь для тех, которые будут вовлечены в вихрь. Это есть путь посвящения в тайноведение Достоевского. В науке этой и в ее методах нет ничего статического, все — динамично, все — в движении, нет ничего застывшего, окаменевшего, остановившегося, это — поток раскаленной лавы. Все страстно, все исступленно в антропологии Достоевского, все выводит за грани и пределы. Достоевскому дано было познать человека в его страстном, буйном, исступленном движении. И нет благообразия в раскрываемых Достоевским человеческих лицах, толстовского благообразия, всегда улавливающего момент статический.

II

В романах Достоевского нет ничего, кроме человека и человеческих отношений. Это должно быть ясно для всякого, кто вчитывался в эти захватывающие дух антропологические трактаты. Все герои Достоевского только и делают, что ходят друг к другу, разговаривают друг с другом, вовлекаются в притягивающую бездну трагических человеческих судеб. Единственное серьезное жизненное дело людей Достоевского есть их взаимоотношения, их страстные притяжения и отталкивания. Никакого другого «дела», никакого другого жизненного строительства в этом огромном и бесконечно разнообразном человеческом царстве найти нельзя. Всегда образуется какой-нибудь человеческий центр, какая-нибудь центральная человеческая страсть, и все

вращается, кружится вокруг этой оси. Образуется вихрь страстных человеческих соотношений, и в этот вихрь вовлекаются все, все в исступлении каком-то вертятся. Вихрь страстной, огненной человеческой природы влечет в таинственную, загадочную, бездонную глубину этой природы. Там раскрывает Достоевский человеческую бесконечность, бездонность человеческой природы. Но и в самой глубине, на самом дне, в бездне остается человек, не исчезает его образ и лик. Возьмем любой из романов Достоевского. В каждом из них раскрывается страстное, идущее в неизъяснимую глубь человеческое царство, которым все исчерпывается. В человеке раскрывается бесконечность и бездонность, но ничего нет, кроме человека, ничто не интересно, кроме человеческого. Вот «Подросток», одно из самых гениальных и недостаточно еще оцененных творений Достоевского. Все вращается вокруг образа Версилова, все насыщено страстным к нему отношением, человеческим притяжением и отталкиванием от него. Рассказ ведется от подростка, незаконного сына Версилова. Никто не занимается никаким делом, никто не имеет прочного органического места в бытовом строе жизни, все выбиты из колеи, из путей жизнеустройства, все в истерике и исступлении. И все-таки чувствуется, что все делают какое-то огромное дело, бесконечно серьезное, решают очень важные задачи. Что же это за дела, что это за задачи? О чем хлопочет подросток с утра до вечера, куда спешит, почему не имеет ни минуты передышки и отдыха? В обычном смысле слова подросток — совершенный бездельник, как и отец его Версилов, как и все почти действующие лица в рома-